

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 26—35
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 26—35
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3

**«Я НЕ МОГУ СКАЗАТЬ!»:
К ПРОБЛЕМЕ ДОМАШНЕГО И СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(По материалам социологического исследования
в Республике Дагестан)**

С. В. Сиражудинова^{a, b}

^a Южно-Российский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия, saida_kant@mail.ru

^b Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем
«Кавказ. Мир. Развитие», г. Ростов-на-Дону, Россия

Анализируется проблема гендерного — семейного и сексуального — насилия в республиках Северного Кавказа. Здесь можно обнаружить весь спектр вопросов, связанных с насилием в семье и сексуальным насилием, как с общераспространенными формами, так и со специфическими региональными, даже локальными. Автор обращается к результатам социологических исследований, посвященных изучению насилия над женщиной, проведенных в Республике Дагестан. Результаты показали, что теория контроля до сих пор актуальна для Дагестана и легитимизирует мужское насилие и доминирование. Насилие над женщиной имеет многогранные и скрытые формы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, женщины, Северный Кавказ, Дагестан, похищение невест, убийство чести, женское обрезание.

**“I CAN’T TELL ABOUT IT”:
THE DOMESTIC AND SEXUAL VIOLENCE
IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS
(Based on the sociological research data
in the Republic of Dagestan)**

S. V. Sirazhudinova^{a, b}

^a South-Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russian Federation, saida_kant@mail.ru

^b Centre of Research of Modern Global Matters and Regional Problems
“The Caucasus. The World. Development”, Rostov-on-Don, Russian Federation

The article examines the issue of family and sexual violence in the republics of the North Caucasus. The republics of the North Caucasus are distinguished by the fact that here you can find a whole range of issues related to domestic violence and sexual assault, both common forms, and specific regional, even local. The author refers to the results of sociological research devoted to the study of violence against women conducted in the Republic of Dagestan. The results showed that the theory of control is still relevant to Dagestan, as legitimization of violence and male domination. The forms of violence against women could be of a multifaceted and disguised character.

Key words: sexual violence, women, the North Caucasus, Dagestan, bride kidnapping, honor killing, female genital mutilation.

Введение

В северокавказском обществе приватная сфера остается самой закрытой и табуированной. Это тот случай, когда о насилии боятся сказать, его скрывают, заботясь о «чести» семьи и даже об имидже всего общества. Здесь можно обнаружить всю палитру насилия по отношению к женщине.

В последние годы предпринимается все больше попыток установить контроль над женщиной, возродить патриархат. Причем подобное происходит в условиях, когда женщина выполняет важные экономические функции. Регулирование порядка в обществе происходит за счет более слабых физически — женщин и детей.

Гендерное насилие (в том числе домашнее и сексуальное) традиционно играло достаточно важную роль в республиках Северного Кавказа. Оно закреплено культурой, историей и традицией, прочно укоренилось в менталитете жителей. В последние годы вокруг гендерной проблематики сложился непростой и противоречивый дискурс, многие проблемы всплывают наружу, местами обостренно критически, местами, напротив, сглаженно и оправдывающе.

Женщина привыкла быть жертвой насилия (сексуального, эмоционального и др.). Женщины и дети сталкиваются с насилием с детства и живут с ним почти всю свою жизнь.

Несмотря на актуальность темы, ее закрытость не способствует ее изучению и практическим шагам по искоренению гендерного насилия и гендерной дискриминации. Цель данного исследования состоит в выявлении и изучении распространенности гендерного — домашнего и сексуального — насилия в республиках Северного Кавказа, продолжающего оказывать значительное влияние на жизнь достаточно большого количества женщин.

Теоретические разработки в сфере исследования гендерного — сексуального и домашнего — насилия

Проблема гендерного насилия привлекла исследователей относительно недавно [Straus, 1983]. Сексуальная агрессия [Kanin, 1957] и насилие в семье [Dutton, 1994] стали рассматриваться как социальная проблема с 1970-х гг.

Гендерное насилие в исследовательской традиции тесно связывают с патриархальностью, контролем, доминированием и подчинением.

Одним из первых направлений в научной мысли, сыгравших практическую роль в общественных и политических процессах и обративших внимание на виктимность женщины и мужское доминирование вследствие неравной экономической функции и разделения труда, был марксизм, рассматривающий процесс перехода от матриархата к патриархату.

Впоследствии важную роль сыграл феминизм. Автор многочисленных работ, посвященных насилию в семье, феминизму и патриархату, — Д. Даттон (см., напр.: [Dutton, 1987, 1994]). Феминизм рассматривается здесь как неомарксизм, теория, пропускающая все социальные отношения через призму гендерных отношений: мужчины (буржуа) удерживают преимущества власти над женщинами (пролетариат) в патриархальных обществах; домашнее насилие — физическое насилие со стороны мужчин с целью сохранить властное преимущество или женское защитное насилие, используемое для самозащиты [Dutton, Nicholls, 2005].

Феминистские исследователи считают насилие побочным продуктом патриархата и, следовательно, исключительно мужским занятием [Боград, 1988]. Согласно одному из первых исследователей насилия Р. Добашу, мужчины используют физическую силу в качестве средства обеспечения мужского доминирования и достижения женского подчинения [Dobash R. P., Dobash R. E., 1979: 24].

Новый всплеск эмпирических исследований насилия над женщиной и детьми связан с либерализмом, глобализацией, продвижением демократии в западные общества, защитой прав человека, появлением глобальных структур гражданского общества (международные неправительственные организации, женские правозащитные движения).

Явление семейного насилия обозначают термином «повседневный терроризм» [Rain, 2014]. М. Джонсон определил «патриархальный терроризм» и «интимный терроризм» как форму насилия посредством влияния или контроля через внушение страха (он может иметь форму психического, эмоционального, физического) [Johnson, 1995].

Гендерное насилие также связывают с контролем над женщиной [Hanmer, 1978], с контролем ее действий и поведения, ее жизни вообще, и даже сексуальности.

Культурное подавление женской сексуальности [Baumeister, Twenge, 2002] в теориях сексуального контроля обусловлено тем, что женская сексуальность рассматривается как представляющая потенциальную угрозу, вследствие чего «подавляется в интересах патриархата» [McIntosh, 1978: 64].

Теории контроля тесно связаны с патриархальностью. «Патриархальная иерархия узаконила избиение жены и контроль над ней как результат неравных властных отношений между мужчиной и женщиной» [Serran, Firestone, 2004: 12].

Гендерное — домашнее и сексуальное — насилие в России, и особенно в республиках Северного Кавказа, и разные формы его проявления остаются почти не исследованными. Проблема насилия над женщинами затронута в работе М. А. Бутаевой [Бутаева, 2010], явлению женского обрезания в Республике Дагестан посвящена статья автора, вышедшая в 2016 г. [Сиражудинова, 2016], но в целом проблема насилия над женщинами и детьми в республиках Северного Кавказа требует тщательного изучения и практического решения.

Культурный контекст гендерного неравенства, домашнего и сексуального насилия

Положение женщины у разных народов различается. Существуют страны и районы, где гендерное неравенство по-прежнему является нормой [Archer, 2006]. Несмотря на критический взгляд на возможность продвижения в незападные общества демократии и гендерного равноправия, содержащийся в теории культурного релятивизма, насилие (от избиения до искалечения и убийства) над женщинами и детьми оправдать нельзя. Культурный релятивизм и сохранение самобытности обществ в глобализирующемся социуме важны — при условии нарушения прав человека на жизнь, здоровье и достоинство.

Существуют незападные общества (с доминирующими традиционными и религиозными нормами и обычаями), стремящиеся к сохранению сложившегося общественного порядка, к распределению традиционных социальных гендерных ролей [Eagly, Wood, 1999], к приоритету коллективного и зависимостью личности от общины.

Гендерное насилие, неравенство и женскую виктимность ряд авторов ставят в зависимость от доминирования коллективизма или индивидуализма. «Индивидуализм увеличивает гендерное равенство, смещая насилие со стороны партнера к меньшей виктимности женщин и большей виктимизации мужчин» (см., напр.: [Archer, 2006]), в условиях же коллективизма люди рассматривают себя как часть сообщества, чьи цели превалируют над интересами индивидов.

Во многих культурах избиение жен мужьями призывается рассматривать как одну из форм законного наказания, аналогичную применению телесных наказаний детей родителями [ibid.: 135], что связано с воспитательной функцией мужа, его ответственностью за поведение женщины, равно как и детей, с контролирующей функцией.

Методология исследования

Помимо анализа теорий, обращающихся к проблеме насилия над женщиной, выявления причин и концепций, объясняющих гендерное насилие, необходим анализ эмпирических данных, чтобы приблизиться к пониманию проблемы гендерного насилия в конкретном регионе. Чтобы понять остроту и глубину

проблемы насилия над женщиной в республиках Северного Кавказа, в 2016 г. в Республике Дагестан автором в рамках работы, проводимой Центром исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», было осуществлено социологическое исследование «“Я не могу сказать!”: насилие на Северном Кавказе» (N=540 человек, из них 510 человек участвовали в количественном исследовании, метод — анкетирование и 30 человек — в опросе женщин и экспертов, метод — стандартизированное интервью). Кроме этого, автор обращается к эмпирическим данным исследований по гендерной проблематике (гендерное равноправие, женское обрезание, женский радикализм и др.), полученным за 10 лет в разных республиках Северного Кавказа.

Гендерное насилие в республиках Северного Кавказа: результаты исследования

Среди целого спектра форм насилия над женщиной на Северном Кавказе, в том числе и специфических, связанных с локальными культурными и религиозными традициями, сложно выделить одну, как и сложно в рамках одного исследования подробно описать все проблемы. Постараемся дать общую картину, обратившись к анализу наиболее опасных и специфических форм насилия.

Наиболее распространено здесь физическое насилие, сексуальное и психическое. Бывает насилие общественное (традиции, стереотипы, нормы обычного права, обряды); насилие над женщиной и детьми со стороны лиц, не входящих в круг семьи; насилие над женщиной со стороны родственников.

Гендерное неравенство

Все начинается с давления, подчинения и превосходства. Это может быть физическое превосходство мужчины над женщиной, взрослого над ребенком, может быть закреплённое традицией приоритетное положение в обществе и семье. Начинается оно с неравенства — в силе, статусе, доходах. На Северном Кавказе неравенство закреплёно традицией и воспринимается как естественное и необходимое.

Неравенство статуса и зависимость женщины порождают психическое и моральное насилие. Давлению здесь подвергаются с рождения. Дети находятся под контролем, особенно девочки. Воспитанию девочек уделяется особое внимание, они помогают матери по дому, приоритет же в образовании отдаётся сыновьям. Низкий статус в обществе, неосведомлённость о своих правах, отсутствие образования (и даже при его наличии — психологическая зависимость от мужа ввиду традиции), материальная зависимость, отсутствие недвижимости усугубляют положение женщины. Женщины из семей интеллигенции более свободны и имеют большие возможности, но таких единицы.

Согласно ответам, положение женщины в последние годы изменилось в лучшую сторону — 60 % респондентов, в худшую сторону — 17,5 % («женщины испортились»), не изменилось вообще — 10 % («все зависит от воспитания»).

Необходимость контроля над женщиной отметили 57,5 % респондентов («важно сохранение ее чести», «доверяй, но проверяй»), противников оказалось 32,5 %, за умеренный контроль — 5 %. До сих пор здесь часто брак совершается по договоренности родителей, хотя заключение брака по любви в городах встречается все чаще. В последнее время поиск партнера нередко ведется исходя из «религиозности».

Самыми опасными формами насилия считаются убийство, тиранство, изнасилование, избиение, моральное насилие и др.

Традиционная роль женщин — роль матери, хранительницы домашнего очага, следящей за бытом и послушной мужу. Мужчина, в представлении респондентов, — отец, добытчик, хозяин и защитник.

Неравенство и зависимость от мужчины позволяют ему оказывать давление полигамией. Согласно опросам, многие женщины живут в страхе и напряжении в связи с появившимся в последние годы навязыванием многоженства.

В то же время полигамия в обществе еще не прижилась и воспринимается негативно. Полигамные браки в большинстве случаев скрываются, дети здесь не имеют прав и не защищены.

Гендерную диспропорцию мужчин и женщин ощущают 27,5 % респондентов и не ощущают 45 %. К многоженству превалирует отрицательное отношение — 57,5 %, положительно относятся — 17,5 %, безразлично — 12,5 %. Допускают возможность стать полигамным 12,5 % (в 87 % случаев это мужчины), 62,5 % категорически отрицают подобное. Отметивших, что многоженство нарушает права женщин и детей, — 50 %, не нарушает — 32 %. Большинство отмечает, что многоженцы не бывают справедливы (67,5 %).

Физическое насилие

Наиболее распространенной формой насилия над женщиной является физическое. Традиционные общества часто оправдывают насилие соображениями пользы, чести, необходимостью воспитания жены. Дагестан также относится к обществам, где подобная форма насилия часто находит оправдание.

Согласно опросу, мужчина может быть оправдан в избиении жены в случае ее измены (40 %) и непослушания (10 %). В то же время считающих, что насилие не может быть оправдано и мужчина не имеет права бить жену, — 45 %.

Таким образом, здесь встречается и порицание избиения, и его одобрение (при определенных обстоятельствах), характерное для культур, где патриархальные ценности еще достаточно сильны [Fischer, Manstead, 2000], «женщины должны быть подчинены и проконтролированы мужьями, которые могут время от времени дисциплинировать их силой при необходимости, как и детей» [Archer, 2006: 135].

Крайняя форма — убийство чести — также до сих пор встречается в республиках Северного Кавказа. Убийство женщин во имя чести семьи (за недозволенное, позорящее семью поведение), совершаемое родственниками, являет собой разновидность социального контроля [Cooney, 2014].

О том, что слышали о случаях убийств чести в своем селе и городе, заявили 12,5 % респондентов, не слышали о подобном — 77,5 %. Против практики убийств чести высказались 72,5 % («убийство вообще не поддерживаю»), поддерживают практику убийств чести 17,5 %.

Сексуальное насилие

Уязвимое положение женщин облегчает сексуальное насилие. Сексуальное насилие совершают как чужие люди, так и родные, что наиболее травматично для жертвы.

Традиционное общество делает положение жертвы изнасилования более сложным. Из-за боязни осуждения и существующих традиционных механизмов

большинство случаев насилия, связанных с изнасилованием, не доходят до правоохранительных органов; если же доходят, то их стараются разрешить в полиции путем переговоров, компромисса, компенсации, временных браков, не доводя до суда.

К жертве изнасилования в Дагестане относятся отрицательно и негативно 22,5 % респондентов, с сочувствием — 20 %, нормально, положительно, понимающе — 7,5 %. Допускают, что жертва изнасилования может быть тоже виновна, 27,5 % («сама дала повод», «сначала сама согласилась, потом в суд подать собирается», «была одета вызывающе», «было непристойное поведение», «спровоцировала»). Не допускающих виновность пострадавших от изнасилования — 45 %.

Только половина опрошенных считают, что жертва изнасилования имеет шанс на успешный брак, другие подобную перспективу рассматривают с сомнением («когда как», «скорее нет, чем да», «крайне малый шанс», «в редком случае») — около 20 %, отрицающих подобный шанс также около 20 %.

Случаи изнасилования и педофилии скрываются и не разглашаются. Жертва изнасилования (особенно мужского пола) находится под угрозой и становится изгоем, поэтому об изнасиловании предпочитают не говорить.

Отметивших, что похищение невест практикуется довольно часто, — 20 % («зависит от района»), редко — 30 % («все реже и реже», «не так часто»), уже почти не практикуется — 10 %.

Насилием является и насильственный брак, который грозит как женщинам, так и мужчинам.

Сексуальное насилие призвано выполнять контролирующие функции (используется как контроль женской сексуальности). Специфическая форма сексуального насилия, характерная для некоторых регионов, — женское обрезание. Таким образом реализуется стремление за счет женщины достичь порядка в обществе, «чтобы она не бесилась, не гуляла, не совращала мужчин». Так как подобной процедуре подвергаются дети, то проблема связана как с гендерным насилием, так и с насилием по отношению к детям. За запрет женского обрезания высказались 32,5 % респондентов («это дикость», «это издевательство», «обязательно надо запретить»), против подобного запрета — 22,5 %. Считают опасным подобный запрет 5 %, не слышали об этом около 10 %.

Проблема существует, но имеет место не во всех районах (в то же время, учитывая почти полный охват этой практикой женского населения нескольких районов, цифра будет внушительная).

Любые проявления сексуального насилия, как правило, тщательно скрываются, поэтому полностью раскрыть проблему, получить по ней статистическую информацию невозможно. Насилие здесь связано с безнаказанностью и с молчаливым согласием всего общества [Бутаева, 2010]. Правоохранительные органы стремятся подобные проблемы разрешить путем договоренностей, не заводя уголовных дел. Нет заявлений и судебных дел — нет и статистики. Подобное отношение дает возможность говорить об отсутствии проблемы, которая в реальности существует. Сами жертвы насилия, опасаясь осуждения, предпочитают молчать о своей травме.

По мнению дагестанских респондентов, для улучшения положения женщин необходимо «уважение», «оружие для самозащиты», «хорошее отношение», «стремление принести им радость и материальное благополучие», «любить их», «прислушиваться к их мнению», «давать ласку», «контролировать их», «понимать их».

Выводы

Положение женщины — самый болезненный вопрос для жителей Северного Кавказа. Результаты исследования показали, что проблемы, связанные с насилием над женщиной в Республике Дагестан, существуют, они имеют острые и скрытые формы. Насилие, в том числе домашнее, сексуальное, является для республики закрытой, скрываемой и почти не изученной проблемой, до разрешения которой еще очень далеко. «У нас не принято выносить сор из избы», «я не могу связываться с этой темой, меня осудит общество» — так заявляют эксперты из числа общественных деятелей, не приветствующих озвучивание гендерных проблем.

Гендерное насилие в традиционных и религиозных обществах построенных на патриархальных устоях, обусловлено стремлением сохранить патриархальность, обеспечить контроль над женщинами, их ограничить и за их счет обеспечить порядок. Здесь власть над женщиной, ее телом и даже духом принадлежит семье и мужчинам.

Теория контроля сплелась с практикой дагестанских гендерных отношений, которые строятся на контроле над женщиной, ее сексуальностью, что в ходе эмпирического исследования подтвердила половина респондентов.

Тем не менее общество развивается. В силу комплекса социально-экономических причин оно не может быть полностью патриархальным. Результаты исследования показали, что, несмотря на многочисленные проблемы, взгляды в обществе трансформируются в сторону осознания прав женщины, важности повышения ее статуса, профессионального, общественного и политического роста.

Необходимо создание кризисных центров для женщин, развитие структур гражданского общества, защищающих права женщин, объясняющих их и с юридической, и с религиозной точки зрения.

Ситуация такова, что от женщин требуют подчинения и подконтрольности. Жертву насилия осуждают, поэтому женщине приходится молчать и скрывать свои проблемы, быть сильной и молча терпеть насилие во благо семьи, общества и имиджа республики.

Библиографический список

- Бутаева М. А. Гендерные стереотипы и насилие против женщин // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 179—186.
- Сиражудинова С. В. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 48—56.
- Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: asocial-role analysis // Personality and Social Psychology Review. 2006. № 10 (2). P. 133—153.
- Baumeister R., Twenge J. Cultural suppression of female sexuality // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6 (2). P. 166—203.
- Bograd M. Feminist perspectives on wife abuse: an introduction // Feminist perspectives on wife abuse. Beverly Hills: Sage, 1988. P. 11—26.
- Cooney M. Death by family: honor violence as punishment // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (4). P. 406—427.

- Dobash R. P., Dobash R. E. Violence against Wives: a Case against the Patriarchy.* New York: Free Press, 1979. 350 p.
- Dutton D.* The criminal justice response to wife assault // *Law & Human Behavior.* 1987. № 11 (3). P. 189—206.
- Dutton D.* Patriarchy and wife assault: the ecological fallacy // *Violence & Victims.* 1994. № 9 (2). P. 125—140.
- Dutton D., Nicholls T.* The gender paradigm in domestic violence research and theory. Pt. 1: The conflict of theory and data // *Aggression and Violent Behavior.* 2005. № 10 (6). P. 680—714.
- Eagly A., Wood W.* The origins of aggression sex differences: evolved dispositions versus social roles // *Behavioral and Brain Sciences.* 1999. № 22. P. 223—224.
- Fischer A., Manstead A.* The relation between gender and emotions in different cultures // *Gender and Emotion: social Psychological Perspectives.* Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000. P. 71—94.
- Hanmer J.* Male violence and the social control of women // *Power and the State.* London: Croom Helm, 1978. P. 217—238.
- Johnson M.* Patriarchal terrorism and common couple violence: two forms of violence against women // *Journal of Marriage and Family.* 1995. № 57 (2). P. 283—294.
- Johnson M.* A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistances, and Situational Couple Violence. Boston: University Press of New England, 2008. 161 p.
- Kanin E.* Male aggression in dating-courtship relations // *American Journal of Sociology.* 1957. № 63. P. 197—204.
- Leonard P.* Postmodern Welfare. London: Sage, 1997. 208 p.
- McIntosh M.* Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs // *Women, Sexuality and Social Control.* London: Routledge & Kegan Paul, 1978. P. 53—64.
- Pain R.* Everyday terrorism: connecting domestic violence and global terrorism // *Progress in Human Geography.* 2014. № 38 (4). P. 531—550.
- Serran G., Firestone P.* Intimate partner homicide: a review of the male proprietariness and the self-defense theories // *Aggression & Violent Behavior.* 2004. № 9 (1). P. 1—15.
- Straus M.* Ordinary violence, child abuse, and wife beating: what do they have common? // *The Dark Side of Families: Current Family Violence Research.* Beverly Hills (CA): Sage, 1983. P. 213—234.

References

- Archer, J. (2006) Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis, *Personality and Social Psychology Review*, no. 10 (2), pp. 133—153.
- Baumeister, R., Twenge, J. (2002) Cultural suppression of female sexuality, *Review of General Psychology*, vol. 6 (2), pp. 166—203.
- Bograd, M. (1988) Feminist perspectives on wife abuse: An introduction, in: Bograd, M., Yllo, K. (eds), *Feminist Perspectives on Wife Abuse*, Beverly Hills: Sage, pp. 11—26.
- Butaeva, M. A. (2010) Gendernye stereotipy i nasilie protiv zhenshchin [Gender stereotypes and violence against women], *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 9, pp. 179—186.
- Cooney, M. (2014) Death by family: honor violence as punishment, *Punishment & Society*, vol. 16 (4), pp. 406—427.
- Dobash, R. P., Dobash, R. E. (1979) *Violence against Wives: A Case against the Patriarchy*, New York: Free Press.
- Dutton, D. (1987) The criminal justice response to wife assault, *Law & Human Behavior*, no. 11 (3), pp. 189—206.

- Dutton, D. (1994) Patriarchy and wife assault: the ecological fallacy, *Violence & Victims*, no. 9 (2), pp. 125—140.
- Dutton, D., Nicholls, T. (2005) The gender paradigm in domestic violence research and theory, pt. 1, The conflict of theory and data, *Aggression and Violent Behavior*, no. 10 (6), pp. 680—714.
- Eagly, A., Wood, W. (1999) The origins of aggression sex differences: evolved dispositions versus social roles, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 22, pp. 223—224.
- Fischer, A., Manstead, A. (2000) The relation between gender and emotions in different cultures, in: *Gender and Emotion: Social Psychological Perspectives*, Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 71—94.
- Hanmer, J. (1978) Male violence and the social control of women, in: *Power and the State*, London: Croom Helm, pp. 217—238.
- Johnson, M. (1995) Patriarchal terrorism and common couple violence: two forms of violence against women, *Journal of Marriage and Family*, no. 57 (2), pp. 283—294.
- Johnson, M. (2008) *A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistances, and Situational Couple Violence*, Boston: University Press of New England.
- Kanin, E. (1957) Male aggression in dating-courtship relations, *American Journal of Sociology*, no. 63, pp. 197—204.
- Leonard, P. (1997) *Postmodern Welfare*, London: Sage.
- McIntosh, M. (1978) Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs, in: *Women, Sexuality and Social Control*, London: Routledge & Kegan Paul, pp. 53—64.
- Pain, R. (2014) Everyday terrorism: connecting domestic violence and global terrorism, *Progress in Human Geography*, no. 38 (4), pp. 531—550.
- Serran, G., Firestone, P. (2004) Intimate partner homicide: A review of the male proprietariness and the self-defense theories, *Aggression & Violent Behavior*, no. 9 (1), pp. 1—15.
- Sirazhudinova, S. V. (2016) Zhenskoe obrezanie v Respublike Dagestan: sotsiokul'turnye determinanty i kontseptual'nyĭ analiz [Female genital mutilation in the Republic of Dagestan: socio-cultural determinants and conceptual analysis], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2 (79), pp. 48—56.
- Straus, M. (1983) Ordinary violence, child abuse, and wife beating: what do they have common?, in: *The Dark Side of Families: Current Family Violence Research*, Beverly Hills, CA: Sage, pp. 213—234.

Статья поступила 01.03.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, докторант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; президент Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», г. Ростов-на-Дону, Россия, saida_kant@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; president at the Centre of Research of Modern Global Matters and Regional Problems “The Caucasus. The World. Development”, Rostov-on-Don, Russian Federation).